

Однако разделение души и тела в иллюзии требовало чудовищных затрат сил, поэтому его дух мог задерживаться в Чжуине лишь ненадолго. И в эти краткие мгновения он искал свои редкие, драгоценные воспоминания.

Однажды, вернувшись в город Чжуинь, он нашёл Цзи Саньмэя в «Ветре над рекой».

Тот сидел с Цзи Лючэнем, и рядом с ними была певица. Девушка хмурилась и пела что-то тоскливое и унылое.

Когда Цзи Саньмэй выступал в роли хозяина, сопровождающие его певицы всегда выглядели вялыми и безразличными.

Потому что Цзи Саньмэй ни капли не походил на тех щеголеватых бездельников из знатных семей, что дорожат лицом, но не деньгами. Если он говорил, что чаевых не даст — значит, не даст. Поистине, первый в Чжуине «липкий петух».

«Липкий петух» — это тот, кто не только сам не теряет перья, но ещё и к себе чужие цепляет.

Он заказал самое дешёвое вино фэньцзю, отхлёбывал понемногу, слушал унылую мелодию и не придавал этому значения.

Вдруг из-за соседней занавески донёсся тонкий, писклявый голос, похожий на скрежет ногтя по бумажной ширме — противный, вызывающий мурашки: «Видали того третьего из семьи Шэнь? С виду вроде ничего... А знаете, почему?.. Те яо из Мяоцзяна все до одного соблазнительные красавцы. Неудивительно, что глава семьи Шэнь когда-то потерял голову и прижил такую дрянь».

Сплетничать — естественная человеческая потребность, неважно, мужчина ты или женщина. Кто-то тут же подхватил: «Говорят, третий Шэнь и старший Цзи в каких-то особых отношениях?»

Тонкий голосок, напуская изысканность, продолжил: «Эх, этот старший Цзи, нежная кожа, девичья внешность... Я бы и сам не прочь попробовать, не то что третий Шэнь. Помните, в прошлом году на день рождения старшего Цзи? Он пир в доме Цзи закатил, так говорят, третий Шэнь до утра не уходил. На следующий день вышел — еле ноги волочит. Наверняка всю ночь делом занимались...»

Дальше пошли непристойные домыслы, грязные и похабные, перемежающиеся громким хохотом.

Тонкоголосый, конечно, был заводилой: «Красавчик-то, поди, сейчас скучает. Когда-нибудь мы с братвой к его задней калитке наведаемся, попросим открыться, чтобы и нам капельку его милости перепало».

Из-за своего происхождения Шэнь Фаши с детства привык к насмешкам, но такими оскорблениями в адрес Цзи Саньмэя его чуть не довели до того, чтобы сжать кулаки до хруста.

...Но он ничего не мог поделать.

Цзи Лючэнь тоже покраснел от стыда и гнева. Он сжимал чашку, лицо его исказилось.

Цзи Саньмэй скользнул взглядом по его дрожащей руке и сказал: «Не дави так, разобьёшь — платить придётся».

Цзи Лючэнь, потемнев лицом, перехватился за собственное бедро, стиснул зубы и тихо спросил: «Кто там рядом?»

Цзи Саньмэй: «По голосу слышно — младший сын семьи Дин, Дин Шию».

С этими словами Цзи Саньмэй, ни капли не смущаясь, поднял чашку, и на его лице расцвела лёгкая счастливая улыбка: «Благо брата Шэня им не понять».

Цзи Лючэнь: «...»

Цзи Саньмэй продолжал хвастаться: «Его достоинство одного стоит двух с половиной таких. Вытащи — с перепугу помрут».

Цзи Лючэнь покраснел ещё больше: «...» Брат, подробности мне не очень-то и нужны.

Цзи Саньмэй невозмутимо отпил ещё глоток. Его спокойствие вызывало у младшего брата глубочайшее почтение. Тот с обожанием смотрел на брата и тихо спросил: «Старший брат, ты не сердись?»

Цзи Саньмэй в ответ: «А зачем сердиться? Разозлюсь — значит, ума не хватает с таким разобратсья».

Цзи Лючэнь захотел услышать мудрое решение брата: «Как же ты с этим разберёшься?»

Цзи Саньмэй поставил чашку, взял курительную трубку и выпустил струйку дыма: «Подождём вечера, возьмём мешок, подкараулим в заднем переулке. Как Дин Шию пройдёт — на голову, и бить, пока родная мать не узнает».

Цзи Лючэнь: «...» Брат, ты великолепен. Я тебя ещё больше полюбил.

Шэнь Фаши обожал эту дерзкую, вызывающую манеру Цзи Саньмэя.

Ночью пьяного Дин Шию в тёмном переулке накрыли мешком.

Нападавший молча бил его по лицу, кулак шёл за кулаком, пока от Дин Шию не осталось лишь дыхание. Затем с него стащили штаны. Дин Шию, чей мозг гудел от боли, как от роя мух, инстинктивно сжал ягодицы и в ужасе пополз вперёд, как слизень, посыпанный солью, бормоча бессвязные мольбы.

Тут же сапог метко угодил ему в промежность, сопровождаемый сокрушительным вербальным ударом: «Тьфу, коротышка. Он тебя на три с половиной стоит».

Молча наблюдая, как Цзи Саньмэй отходит, уводя за собой неудовлетворённого и неохотного Цзи Лючэня, сознание Шэнь Фаши вновь насильно вернулось в Линтин.

Он лежал на столе в походной палатке, силы его были начисто истощены, одежда промокла от пота, лицо было жёлтым, как бумага, голова раскалывалась — но он был счастлив.

Когда он снова вернулся в Линтин, Цзи Саньмэй снова изменился.

Под глазами у него были синяки, и он сидел в главном дворце Чжуиня, слушая, как Сунь Фэй несёт околесицу: «Шэнь Фаши под своим началом имеет несметное число заклинателей, пребывает в Линтине, опирается на военную силу, не слушает приказов семей и даже самовольно называет заклинателей Чжуиня „армией Шэнь“. Многие заклинатели писали мне,

выражая недовольство. Разве Чжуинь принадлежит одному лишь роду Шэней? В тяжёлые для Чжуиня времена Шэнь Фаши ведёт себя так — что он замышляет?»

Чжоу Ижэнь, как старшая дочь рода Чжоу, естественно, присутствовала на собрании. На ней было платье ярко-алого цвета, ослепительное и соблазнительное, полное дерзкой, вызывающей красоты.

Выслушав Сунь Фэя, она захлопала в ладоши и рассмеялась: «Отлично, отлично. Сунь Фэй, если сместить Шэнь Фаши, ты возьмёшь на себя командование заклинателями в борьбе с демоническим путём? Если добьёшься успеха, я, Чжоу Ижэнь, первая попрошу, чтобы тебе пожаловали „армию Сунь“!»

Сунь Фэй, получив такой отпор, изменился в лице: «Госпожа Чжоу, прошу выбирать выражения...»

Она неспешно поднялась, взглянула на Сунь Фэя и тут же принялась ругать: «И чего ты добиваешься, выкладывая всё это? Сменить полководца на поле боя? Ты что, идиот?.. Или надеешься, что раз Шэнь Фаши сейчас не в Чжуине, на него можно навесить ярлык и облить грязью? Ну-ка скажи, есть ли ещё среди знатных семей Чжуиня талантливый полководец, способный вести войска? Неужели ты предлагаешь снять Шэнь Фаши и поставить своего человека?»

Голос Чжоу Ижэни был твёрдым и звонким, каждое слово било точно в цель, пронзало сердце и задевало за живое, заставляя лицо Сунь Фэя белеть, затем синеть.

Шэнь Фаши молча наблюдал издали и думал: «Вот он, истинный облик героя. Не обманули».

В момент наивысшего напряжения между ними Цзи Саньмэй неспешно поднялся, поправил помятый воротник. Он выглядел измождённым, даже уголки губ были опущены вниз. Лишь глаза горели, словно в них пылал огонь: «Как интересно. Господин Сунь получил письмо, и я тоже получил письмо».

Он поднял руку, рукав сполз, обнажив руку, которая стала на целый круг тоньше с тех пор, как Шэнь Фаши покинул Чжуинь.

В его пальцах было письмо.

Цзи Саньмэй сломал сургучную печать и начал читать слово за словом: «Многоуважаемому господину Ло Луню. Давно не писал, очень по Вас скучаю. Тоскую по родным местам, вижу их во сне...»

Письмо было написано в крайне льстивых и слащавых выражениях. Оказалось, это письмо Сунь Фэя предводителю демонического пути Юньян Ло Луню. Судя по содержанию их беседы, эти двое были не старыми друзьями, а скорее любовниками.

Присутствующие заклинатели Чжуиня ахнули.

Сунь Фэй почернел лицом и, не дожидаясь, пока Цзи Саньмэй дочитает, выхватил письмо: «Это клевета! Это...!!»

Он взглянул на письмо — и лицо его налилось багровым цветом.

Почерк был его, печать — его, всё совпадало до мелочей.

Цзи Саньмэй застыл в позе, будто у него только что вырвали письмо, развёл руки. Его лицо выражало холодную отстранённость и высокомерие — маска, которую он часто надевал перед чужими: «Что, господин Сунь, посмели совершить — не посмеете признать?»

У Сунь Фэя задрожали руки.

...Шэнь Фаши был далеко в Линтине, а он — здесь, в Чжуине. Если это подтвердится, ему, Сунь Фэю, останется лишь бесславный конец!

Губы его побелели, и он начал оправдываться, не помня себя: «Это ложь! Это... это... Полтора месяца назад Линтин был осаждён, ни одно письмо не могло пройти, даже птица не пролетит! Как же моё письмо могло быть доставлено...»

Не успел он договорить, как понял свою ошибку, и в мгновение ока лицо его стало землистым.

Если письма не могли быть отправлены, значит, не могли быть и получены. Откуда же тогда взялись эти «письма заклинателей» — вопрос риторический.

Цзи Саньмэй, держа курительную трубку, едва улыбнулся: «Господин Сунь, это вы сами сказали».

<http://bllate.org/book/16281/1466370>